

Дореволюционная и национальная школа

В. Л. Житаев,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории
и этнологии ГОУВПО
«МГПИ им. М. Е. Евсевьева»
(г. Саранск, РФ)

70

В последние годы все больше людей, пытаясь представить себе будущее, начинают интересоваться историей своего народа, его прошлым. Однако понять историю края можно лишь в том случае, если подходить к ее изучению объективно, без пристрастий, с привлечением к анализу большого массива документов и материалов. Большую помощь в этом могут оказать документы по проблемам народного образования, а конкретнее, касающиеся обучения детей на начальном этапе на родном языке.

Профессор Е. Г. Осовский отмечал, что «научный интерес к многовековой истории просвещения в Мордовском крае возрастает с каждым годом. Ценность накопленного здесь исторического опыта межнационального взаимодействия определяется чрезвычайным этническим, конфессиональным и лингвистическим многообразием, богатством традиций взаимовлияния культур русских, татар, чуваш, мордвы, марийцев, удмуртов и др.» [11, 3]. С этими словами нельзя не согласиться.

Исследуя состояние грамотности населения мордовского края в дореволюционный период, можно заметить, что уровень ее был не просто низким, а абсолютно мизерным по сравнению с другими регионами страны. Это объясняется не столько пренебрежительным отношением правительственных органов к мордовскому народу (оно одинаково относилось ко всем инородцам), сколько отсутствием мордовской государственности и, естественно, общих границ

края, где бы вопросы образования решались единообразно во всех уездах и волостях. А так как территории современной Мордовии находились в составе 4 губерний и 10 уездов, разных по экономическому и социальному положению, то и вопросы народного образования имели свою специфику.

В то время организацией народного образования занимались несколько ведомств (Министерство государственных имуществ, удельные управления и духовенство) с разными финансовыми возможностями, к тому же не имеющих единой цели такой деятельности. Следовательно, и открывавшиеся в небольшом числе школы различались по статусу. Так, в зависимости от источника получаемых на содержание средств они подразделялись на четыре группы: общественные в селениях государственных крестьян, общественные в селениях временно-обязанных крестьян, церковно-приходские и школы, устраиваемые частными лицами.

Содержание школы для государственных крестьян было обязательной повинностью; с каждой ревизской души для этого ежегодно взималось по 8 коп.

У временно-обязанных крестьян существование училищ было на усмотрении сельских обществ, они не имели никакой прочной организации, а следовательно, их денежные средства были незначительны и непостоянны.

Церковно-приходские школы стали возникать в первое десятилетие XIX в., после принятия Святейшим синодом соответствующего решения [3, 92]. Как правило, такие школы существовали на средства приходов; иногда небольшую сумму выделяло государство.

Что касается частных школ, то они в крае были единичными и не играли заметной роли в развитии народного образования.

Малым числом школ край отличался и потому, что не было большой заинтересованности самих крестьян

© Житаев В. Л., 2009

в обучении своих детей, особенно на первоначальном этапе становления школы.

Во всей Пензенской губернии в дореформенный период было 218 начальных училищ, в том числе сельских: 128 мужских, 9 женских, 64 для обоего пола [3, 93].

В Нижегородской губернии накануне реформы 1861 г. числилось 189 школ, в которых обучалось 5 719 учеников, и среди них 466 девочек [15, 99–100]. Что касается уездов, где проживало мордовское население, то, например, в Лукояновском, часть которого вошла затем в состав Мордовии, было 37 школ с 1 367 учениками, в том числе со 148 девочками, в Сергачском – 2 школы с 31 учеником. В первом уезде обучалась 13-я часть всего количества детей школьного возраста, а во втором – 500-я часть.

Как видим, даже внутри одной губернии уровень охвата народными школами детей был неодинаков.

В Симбирской губернии, судя по данным за 1866 г., было 683 училища [1, № 3, 85]. Однако, как отмечалось в указанном источнике, многие школы числились только на бумаге; по отчетам И. Н. Ульянова за 1869 г. их число сократилось до 463 [1, № 3, 85]. В Темниковском уезде, например, в 1903/04 учебном году функционировали 3-классное училище в Темникове, низшая ремесленная школа в Кадоме, 47 русских, 17 татарских училищ, из них 36 земских, 6 министерских и 4 городских [7, 85]. Вместе с тем отсутствие мордовских училищ не означает, что их у мордвы не было. В 1907 г. 23,6 % всех школ Темниковского уезда находились в мордовских селениях.

К сожалению, некоторые исследователи в угоду политической конъюнктуре порой подменяют объективность, истину искаженными постулатами, сознательно подбирая для этого исторические факты. Так, А. Л. Киселев утверждал, что правительство проводило политику «насильственного обрусения», держало мордовский народ «в темноте и невежестве» [8, 50], что в мордовских селах не было школ, которые якобы стали появляться только во второй половине XIX в. Анализируя состояние народного образования в мордовском крае, и в частности использование родного языка в процессе обучения, Т. И. Сандина отмечала, что «блюститители учебного дела запрещали произносить даже слово на родном языке» [16, 10].

А. Ососков и К. Котков писали, что, «задерживая рост местной национальной школы с родным языком преподавания, царизм насаждал казенную, главным образом, церковно-приходскую, школу с учителем, чаще всего священником, с монархическими и религиозными книгами» [12, 5]. Эти же авторы подчеркивали, что священники в своих отчетах неверно отражали истинное положение по отношению крестьян к организации школ, что отдельные из них заявляли, «будто бы мордовский народ не только не имел потребности в грамоте и культуре, но и якобы

Миндров Иосиф Григорьевич, учитель Саранского училища

всячески препятствовал распространению ее», что «после многих увещаний и прошений священника и благочинного открыть училище мордовские поселяне остались непреклонны, несмотря на предложенные средства на обучение» [12, 9].

Примеров, подобных вышеприведенным, взятым из отчетов священника из с. Колопино Краснослободского уезда и священника Фасонова из с. Могиловка Инсарского уезда, достаточно много. Порой они, с точки зрения исследователей, достаточно «объективны», когда вырываются из контекста и используются в целях усиления негативных моментов в состоянии народного образования.

Действительно, уровень грамотности мордовского народа был невысок, школ в мордовских поселениях было мало. Однако это не говорит о том, что только мордовскому народу не были доступны школы. Такая ситуация была характерна для многих инородцев, да и для русского населения, проживающего на территории уездов, впоследствии вошедших в состав Мордовии.

К сожалению, многие исследователи забывают или просто не хотят видеть объективные причины

медленного развития в дореволюционный период не только национальной, но и вообще народной школы. Как отмечалось в сборнике «50 лет жизни Нижегородского земства» [15, 94], «дореформенная школа любовью крестьян ни в какой мере не пользовалась»; действительно, «землю пахать можно и без грамоты», «старика без грамоты жили, и мы так век проживем» [15, 94–95], – таковы были ответы крестьян на обращение земства с предложением устройства школ.

Крестьяне видели детей помощниками в своих работах, а в отдаче их в школы усматривали лишь трату времени, особенно ощутимую при отдаленности селений, в которых учреждались общественные школы. Это было характерно для многих уездов, губерний дореформенного периода. Даже в первые годы деятельности земств крестьяне с неохотой шли на открытие школ в своих поселениях. Но по мере того как земства все больше и больше внедряли образование в народные массы, увеличивалось число как школ, так и учащихся в них.

Г. Я. Абрамов в своей работе «Десятилетие русского земства» характеризовал первое десятилетие деятельности земства следующим образом: «Там, где восемь лет тому назад не было ни одной школы, где в целом сельском обществе не находилось ни одного грамотного человека и где рукоприкладства на росписках, на денежных и других актах делались

Уровень грамотности мордовского народа был невысок, школ в мордовских поселениях было мало. Такая ситуация была характерна для многих инородцев.

буквально», «там, где на сотни верст в окружности крестьяне не находили грамотника “из своих”, который бы прочел им только что полученное “Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости”, – там крестьянские ребяташки, родившиеся перед самою волею или уже после воли, не только свободно читают крестьянское и земское “Положение”, но и бойко расписываются на бумагах за своих безграмотных отцов и дедов, охотно читают “Родное Слово” Ушинского, народные издания барона Корфа, Толстого и других учителей народа, посещают ремесленные школы...» [1, № 3, I].

Подтверждением слов Г. Я. Абрамова служит высказывание Льва Николаевича Толстого, который в 1863 г. отмечал: «Народ после манифеста 19 февраля везде выразил убеждение, что ему необходимо теперь большая степень образования, что для приобретения этого образования он готов делать известные пожертвования» [15, 101].

К. Д. Ушинский в статье «Общий взгляд на возникновение наших народных школ» подчеркивал, что «воздействие земства не принесло бы никаких существенных результатов, если бы навстречу ему не шло из самой среды народа пробуждающееся сознание потребности в образовании, вызванное к жизни новыми реформами».

Ярким и убедительным доказательством стремления народа к просвещению во второй половине XIX в. является то большое участие, которое он принял в устройстве и содержании школ. Эти школы справедливо можно называть не земскими, а земско-общественными.

По сведениям министерства, в 1880 г. среди источников содержания училищ на первом месте стояло земство с расходом в 2,5 млн руб., на втором – сельские общества с расходом в 2,3 млн руб. Оба этих источника вместе взятые составляли 77,8 % всех средств содержания училищ [15, 101].

Вместе с земской школой получила свое развитие, пусть еще недостаточное, и мордовская школа. Это подтверждают другие материалы, где говорится: «...производит отрадное впечатление... (на) инородческое население мордвы... когда они слышат объяснение на родном языке»; «...на первое время учителя, где могли, прибегали к помощи мордовского языка, переводя на этот последний каждое употребляемое новичками слово» [4, 68]; «...на первых порах довольно трудно возиться с мордвинятами,

Владимирова Мария, учительница Саранского училища

приходится во многих случаях прибегать к родному их языку» [5, 186].

Анализ имеющихся архивных документов говорит о том, что в Пензенской губернии было 28 мордовских народных и министерских училищ [2, л. 17]. В письме инспектора народных училищ 1-го участка Пензенской губернии Харьковского учебного округа от 20 июня 1890 г. на имя директора народных училищ указывалось на наличие мордовских школ в трех уездах: Городищенском, Инсарском и Саранском. В Городищенском уезде мордовские школы имелись в семи селениях: Вышилейском, Кязовском, Мордовско-Ишимском, Нижне-катлинском, Позельском, Селиксинском и Шугуровском. В Инсарском – в девяти: Адашеве, Болдове, Вертиlime, Кулдыме, Лемдьяе, Мордовской Пишле, Рыскине, Старом Шайгове и Теризморге. В Саранском – в восьми: Гузынцах, Мокшале, Новой Пырме, Новом Турдакове, Напольной Тавле, Подлесной Тавле, Ремезенках. Всего насчитывалось 24 училища.

Кроме народных школ функционировали училища, подведомственные Министерству народного просвещения: Пичлейское и Корикельское в Городищенском уезде, Старо-верхизское в Инсарском и Кочкуровское в Саранском [2, л. 17].

В школах, подведомственных училищным советам, было 20 учителей и 6 учительниц. 16 учителей и 5 учительниц владели мордовским наречием, остальные понимали мордовский язык и могли объяснять ученикам непонятные для них слова, при этом только 3 учителя и 1 учительница были из мордвы [2, л. 17 об.].

В министерских училищах все учителя – один из мордвы и трое из русских – хорошо владели мордовским наречием.

При выборе кандидатов на учительские должности в мордовских школах предпочтение всегда отдавалось лицам из «природной мордвы». Но таких людей было мало, и потому приходилось назначать в школы русских, преимущественно знающих мордовское наречие.

В 1908/09 учебном году в Пензенской губернии имелось 96 мордовских школ: 8 министерских, 48 земских, 39 церковно-приходских и одна школа грамоты [9, 168].

В Симбирской губернии в 1904 г. числилось 138 инородческих школ, из них 58 мордовских [1, № 4, 80]. В Ардатовском уезде была 21 мордовская школа, в Алатырском – 11.

Число инородческих школ из года в год, хотя и медленно, но увеличивалось. Например, в Ардатовском уезде в 1891 г. было всего 14 мордовских школ, которые располагались в селениях Кечушеве, Козловке, Лобасках, Игнатове, Атяшеве, Шугурове, Найманах, Косогорах, Маресе, Хлыстовке, Сайгушах, Балдасе, Каласе и Паракине [4, 67–68]. В 1899 г. их стало

16 [5, 186]: к имевшимся добавились школы в селах Чукалы и Киржеманы. Преподавание здесь велось на родном языке детей, а курс обучения в большинстве случаев был четырехлетний [1, № 4, 80].

В отчете Ардатовского уездного земского собрания отмечалось, что обучение в мордовских школах осуществлялось по тем же программам, что и в русских, с той лишь разницей, что первые два года оно было «на инородческом языке, причем преподавание русского вводилось постепенно, начиная с первого года».

Следует отметить, что использование родного языка в процессе обучения для передовых учителей того времени было нормальным явлением. В результате дети лучше осваивали учебный материал и овладевали русским языком.

Много усилий для развития мордовской школы в Симбирской губернии приложил И. Н. Ульянов. Особенно это касалось Ардатовского уезда, где в 1885 г. действовало 48 училищ, из них 24, или 50 %, были мордовскими.

С развитием народных школ увеличивалось и число обучавшихся в них детей. Если в 1871 г. здесь обучалось 942 чел., то в 1889 г. – уже 2 478 [13, 99].

Предметом особой заботы И. Н. Ульянова была организация обучения девочек, в том числе из мордвы. Говоря о мордве Ардатовского уезда, он писал: «...в так называемых волостных училищах большая половина учащихся из мордвы, девочки не обучаются, одни мальчики, девочки же посещают ЦПШ вместе с мальчиками. Я полагаю не бесплодным обучать девочек и в волостных училищах или вместе с мальчиками, или отдельно, и в последнем случае необходимо открывать женские школы за счет казны» [13, 99].

Ярким и убедительным доказательством стремления народа к просвещению во второй половине XIX в. является то большое участие, которое он принял в устройстве и содержании школ.

Старания И. Н. Ульянова и его последователей дали позитивные результаты. К 1910 г. в Ардатовском уезде в 55,9 % семей имелись грамотные и учащиеся. В этих семьях грамотных мужчин было 24,9 %, женщин – 2,21, учащихся мальчиков – 3,79, девочек – 0,71 % [14, 7–8]. В сравнении с Пензенской губернией мордва Ардатовского уезда отличалась более высоким образованием. Так, в Пензенской губернии мордовских хозяйств с учащимися было 12 %, в них учащихся мальчиков – 3,7, девочек – только 0,4 % [9, 61].

Естественно, не во всех уездах, не говоря уже о губерниях, одинаково относились к обучению инородческих детей. Вместе с тем было много просветителей,

*Шелихова Надежда Сергеевна,
учительница
Саранского училища*

*Глебов Алексей Антонович,
учитель Саранского училища*

учителей, которые понимали, что лучшая пропаганда образования среди инородцев – это организация их обучения на родном наречии. Сам министр народного просвещения граф Д. А. Толстой рекомендовал употребление инородческих языков в школе «...по необходимости, как орудие при первоначальном обучении, развитии инородцев», что способствовало, естественно, лучшему усвоению учебных предметов и программы.

Анализ документов по народному образованию по Темниковскому уезду за 1910 г. показывает, что за три предшествовавших года были открыты школы в 8 мордовских селениях и в общей сложности их стало 21 вместо 13 в 1907 г., или 30,4 % от общего числа народных школ в уезде [6, 652–659].

Заметное влияние на развитие мордовской школы и подготовку педагогических кадров для них оказал В. Х. Хохряков, будучи вначале народным инспектором народных училищ Пензенской губернии, а с 1874 г. директором учительской семинарии. В. Х. Хохряков помогал поступлению в семинарию слушателей из числа мордвы. Для улучшения состояния школьного обучения он в 1879 г. ввел для семинаристов из числа мордвы преподавание мордовского языка, активно участвовал в составлении учебных пособий для мордовских начальных школ.

Естественно, немаловажное значение в процессе обучения мордовского народа имели свои, мордовские, учителя, подготовленные в различных учебных заведениях. Большую помощь в подготовке национальных кадров учителей сыграла Казанская инородческая семинария, открытая в 1872 г. Среди обучающихся здесь было немало слушателей мордовской национальности. По данным за 1889/90 учебный год, в семинарии обучалось 18 чел. мордвы, что составляло 12,5 % от общего числа слушателей. В следующем году их доля возросла до 13,7 % [13, 100]. Кроме того, при семинарии была еще мордовская начальная школа, где дети готовились к поступлению в семинарию. Из тех, кто окончил инородческие школы и стал слушателем семинарии, мордвы было 38,1 %, марийцев – 33,3, чувашей – только 14,3 %.

В разные годы инородческую семинарию окончили М. Е. Евсеев, имя которого связано со становлением мордовской науки и просвещения; Е. В. Скобелев, директор мордовского педагогического техникума, автор мордовских букварей «Тундань чи», «Од ки», «Од эрямо»; З. Ф. Дорофеев, основоположник мордовской национальной литературы, педагог, общественный деятель, автор ряда учебников, книг для чтения; Л. П. Кирюков, один из основоположников профессиональной мордовской музыки и др.

Следует обратить внимание и на вопрос об уровне грамотности и неграмотности среди мордовского народа, так как многие исследователи подчеркивают, что другие народы в России были более грамотны. Считаем, что это неправильный подход к анализу грамотности мордовского населения. Например, в Ардатовском уезде в 1911 г. грамотность среди мужчин-мордвы составляла 24,8 %. Данный показатель был довольно близок к общероссийскому (по некоторым источникам, грамотность населения в России составляла 21 %, а за вычетом детей дошкольного возраста – 27 %). Показатели по другим районам проживания мордвы различались.

Как отмечала Л. А. Феклина, анализируя уровень грамотности финно-угорских народов на территории Башкирии в 1897 г., «...грамотность мордвы была выше, чем у других финно-угорских народов края (в частности, марийцев – 3,3 %, удмуртов – лишь 1,9 %, а у мордвы – 8,3 %)» [17, 439]. Следовательно, утверждение многих исследователей, что мордва являлась самой отсталой среди народов России, не совсем корректно.

Вместе с тем в рассматриваемый период имеющиеся школы не могли принять всех желающих учиться в них. Сопоставляя число обучающихся детей и число, которое оставалось вне школы, легко убедиться в том, что большинство детей не были охвачены ею. Например, в Ардатовском уезде в 1902/03 учебном году из 17 677 детей в возрасте 8–11 лет в школах обучались всего 2 766; вне школы оставались 14 911 чел.,

Большую помощь в подготовке национальных кадров учителей сыграла Казанская инородческая семинария, открытая в 1872 г. Среди обучающихся здесь было немало слушателей мордовской национальности.

или 84,4 % от всего количества детей, могущих учиться в школе [10, 105].

Если рассматривать тот же вопрос с точки зрения обучающихся в земских школах, то окажется, что не охваченными ею оставались 75,1 % мальчиков и 93,2 % девочек в возрасте 8–11 лет. Если же брать во внимание детей в возрасте 9–11 лет, то здесь картина несколько иная, а именно: из общего числа детей указанного возраста 13 034 чел. в земской школе обучались 2 766, вне школы находились 10 268 чел., или 78,8 %. Что касается обучения мальчиков и девочек, то за стенами школ оставалось 66,4 % первых и 90,7 % вторых [10, 106].

Говоря о детях школьного возраста мордовской национальности, заметим, что абсолютное большинство из них не обучались по причине малого количества национальных школ и их низкой вместимости. Кроме того, родители не всегда могли обеспечить своих детей одеждой и обувью, нанять квартиру в соседнем селе, где обучались их дети из-за отсутствия школы в своем селе.

Несмотря на многие трудности в организации обучения детей в дореволюционной Мордовии, народная школа в эти годы получила достаточно широкое развитие, в связи с чем можно утверждать, что многие крайности в оценке дореволюционного просвещения не соответствуют действительности. Даже те примеры,

что мы привели в данной статье, говорят о том, что не было столь большого «засилья» и «мракобесия» церковников в мордовских школах и не столь уж велико было их влияние на школьное образование. Следует отметить и такой факт, как стремление многих крестьянских обществ открыть земские училища вместо церковно-приходских школ, что широко поддерживалось земскими организациями. Например, в 1890 г. в Ардатовском уезде из 69 имеющихся низших школ лишь 26 были церковно-приходскими, что составляло чуть более 37 % [1, № 3, 96; № 7, 91]. В Краснослободском уезде церковно-приходских школ было еще меньше – чуть более 32 %.

На повестку дня ставился вопрос о всеобщем первоначальном обучении детей, разрабатывались перспективные планы строительства школьных зданий, подготовки учительских кадров. Согласно этим планам полный охват обучением детей школьного возраста должен был завершиться в 1924 г. Однако дальнейшие события помешали их реализации.

Ключевые слова / keywords:

образование; грамотность; земские школы; церковно-приходские школы; министерские училища; национальная школа; дореформенная школа; просвещение; инородческая школа; учителя национальных школ.

education; literacy; rural schools; church and parochial school; ministerial school; national school; pre-reform school; education; non-Russian school; teachers of national schools

Поступила 16.03.09

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вестник Симбирского земства. – Симбирск, 1906.
2. ГАПО (Гос. архив Пенз. обл.). Ф. 81. Оп. 1. Д. 209а.
3. Двадцатипятилетняя деятельность земских учреждений Пензенской губернии, 1865–1889 гг. – Пенза, 1894.
4. Журналы Ардатовского уездного земского собрания очередной сессии 1891 г. – Симбирск, 1892.
5. Журналы Ардатовского уездного земского собрания 1899 г. – Сызрань, 1900.
6. Журналы Темниковского уездного земского собрания за 1910 г. – Тамбов, 1911.
7. Журналы Темниковского уездного земского собрания 1904 г. – Темников, 1905.
8. Киселев, А. Л. Социалистическая культура Мордовии / А. Л. Киселев. – Саранск, 1959.
9. Мордовское население Пензенской губернии, его прошлое и современное состояние. – Пенза, 1927.
10. Начальное образование в Симбирской губернии. По данным 1902–1903 учебного года. – Симбирск, 1905.
11. Осовский, Е. Г. Избранные педагогические сочинения / Е. Г. Осовский. – Саранск, 2005.
12. Ососков, А. Народное образование в Мордовской АССР / А. Ососков, К. Котков. – Саранск, 1946.
13. Поволжские финны (краткий очерк истории развития мордовского народа). – М., 1991.
14. Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Вып. III. Ардатовский уезд. – Симбирск, 1913.
15. 50 лет жизни Нижегородского земства. Очерки развития земского хозяйства 1861–1914 гг. – Н. Новгород, 1914.
16. Сандина, Т. И. Развитие образования в Мордовии / Т. И. Сандина. – Саранск, 1969.
17. Феклина, Л. А. Этническая идентичность мордовского населения в культурной образовательной среде Башкирского Приуралья на рубеже XIX–XX веков. Реальность этноса. Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности. – СПб., 2006.